

СОЦИОЛОГИЯ

Набокова Лариса Вячеславовна

канд. социол. наук, преподаватель

Майкопский государственный гуманитарно-технический колледж

ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет»

г. Майкоп, Республика Адыгея

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ АДЫГОВ В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация: в статье определяются условия формирования социокультурных ценностей шапсугов и раскрывается их специфика. Показана взаимосвязь сформировавшихся в дороссийский период специфических черт с современными социокультурными ценностями.

Ключевые слова: этнокультурные ценности, социально-правовая трансформация, Агучипс, Хасэ.

В конце XVIII – середине XIX века во всех сферах общественной жизни шапсугов, в том числе и в представительных органах власти, происходит ряд существенных изменений, которые в источниках первой половины XIX века характеризуются как революционные. Факт глубоких демократических преобразований в общественно-политическом устройстве этой группы адыгов отмечается всеми авторами рассматриваемого периода, что дает им основание называть их «демократическими племенами», в отличие от «аристократических», у которых власть феодалской знати не подверглась такому разрушению.

Пытаясь осмыслить место этих процессов в социальной истории адыгов, нельзя забывать, что они проходили в самый сложный ее период – наблюдался системный кризис прежних социально-политических институтов, первые попытки выхода из которого были предприняты в Кабарде. В отличие от Кабарды,

у шапсугов эти преобразования имели более широкую социальную базу, так как проходили «снизу», а не «сверху».

Сутью трансформационных процессов адыгского общества в XVIII – первой половине XIX веков являлась демократизация общественного устройства. Этому хорошо просматриваемому процессу была присуща своя специфика. Согласно канонам формационного подхода, осознанная народом демократизация общества возможна только на определенной стадии общественно-экономического развития, при наличии соответствующих ей общественных, политических и социально-экономических институтов. Чаще всего этот процесс характерен либо для периода перехода от феодализма к капитализму, либо для собственно капитализма, как процесс совершенствования его системы. Поэтому при изучении адыгского общества с этих позиций происходившие здесь процессы политического и социально-экономического плана сложно рассматривать иначе, как в контексте борьбы общины с усиливающейся властью князей.

Известно, что в процессе естественного социально-политического развития у шапсугов произошли серьезнейшие перемены, приведшие в конце XVIII века к Бзюкской битве. Переворот, лишивший дворян власти над большей частью адыгов, внёс существенные изменения в социальный строй причерноморских адыгов. Абсолютное большинство стали составлять тфокотли. Авторы прошлого века дали им объективную характеристику. В работе «Беслый Абат» Хан-Гирей называет их вольными землевладельцами при этом он отмечает, что не находит другого названия, которое точнее определило бы значение многочисленного сословия черкесов» [16, с. 238]. Он отмечает, что положение тфокотлей у демократических народов таково, что они «не знали над собой никакой власти иного класса, пользуются совершенной свободой» [16, с. 238].

Шапсуги и натухайцы составляли общность Агучипс – одно из самых малоизученных явлений адыгского социума. Согласно имеющимся данным шапсугскую часть формировали братства Кобле, Схапете, Севотох, натухаевскую – Натхо, Нетдахо и присоединившееся позже Гоайэ [17, с. 122]. По некоторым данным шапсугских родов было четыре – добавляют род Гоаго, натухаевцы – Натхо,

Нетдахо и Гуайэ [9, с. 12]. Более или менее Агучипс объясняется адыгским просветителем Нагуч Ю.-С. и современным ученым Денисовой Н.Н. Нагуч Ю.С. полагал, что Агучипс – это своеобразное социально-политическое объединение, базирующееся на трех четких основах [2, с. 114].

Первая – личная свобода каждого во всем, включая обязательность общих законов.

Вторая – этикет, высокие нравственные понятия, являющиеся для адыгов «врожденными», которые ограничивали свободу в разумных рамках.

Третья – соотношение жесткой дисциплины в семье («маленькое княжество») с широкой демократии во всем Агучипсе (по сути конфедерация полусуверенных семейных «монархий»).

Если в семье власть «тхамеды» была почти княжеской, то на уровне всего Агучипса «весь народ и есть князь», для которого уорки – лишь проводники воли народа, и вообще, институт, созданный по необходимости специально для этого [2, с. 114].

Социум причерноморских адыгов состоял из дворянских и тфокотльских родов. Тфокотли были представлены 81 родом, которые были объединены в несколько собратств (соприсяжничеств). Дворянских родов было пять. Собратство Кобле, самое сильное в Шапсугии, включало 37 родов к нему относились и три дворянских рода из группы Абате. Объединение Севотох-Хгоаго включало 22 рода и ассоциировалось с дворянами Шеретлуко. 22 рода входили и в собратство Схапете, к которому принадлежали дворяне рода Немери. Подобная картина наблюдалась и у натухайцев. Всего в объединении Агучипсе было 125 родов тфокотлей. По данным Люлье Л., их 130: Натхо – 29, Нетахо – 19, Кобле – 30, Схапете – 14, Гоаго-Соотох – 21, Гуайе – 17 [9, с. 15].

Собратства объединялись и разделялись для сохранения или обретения дуального принципа объединения всего общества. Венцом подхода было решение об объединении этих групп в конфедерацию (состоявшую из двух ветвей), принятое на Адагумском собрании представителями шапсугов, натухайцев, абадзе-

хов. В одну ветвь вошли абадзехи, в другую – шапсуги и натухаевцы. В каждой половине было установлено по восемь «родовых» объединений [9, с. 15].

Структуру Шапсугии, построенную на социумах-братствах, дополнила её территориальная организация. По данным Л. Люлье и Н. Дубровина, существовали два типа территориальной общности. Первый соответствовал населению каждой речной долины по руслу рек. Речные долины Черноморского побережья таковы, что на некотором удалении существуют условия для формирования в её пределах микросоциума. Вторым типом были объединения более значительного порядка, занимавшие или расширившуюся часть речной долины в среднем её течении или несколько речных долин с их водоразделами. Известны названия нескольких таких общностей: Шехокуадже, Цюхук, Шемитокуадже, Хизе [9, с. 20; 4, с. 129].

Социальные изменения общественного переворота конца XVIII века были намного глубже и коснулись всех слоёв шапсугского общества. Это в своём труде отметил Н.Ф. Дубровин [4, с. 128]. В ходе социально-политической трансформации шапсугские крепостные крестьяне «отказались от повиновения» владельцам, что «составило главную потерю» дворян. Также Дубровин в своём труде писал о том, что своего освобождения добилась и считавшаяся наиболее зависимой от урков категория людей (пшитли) [15, с. 128]. «Народ прямо не вступался за этих людей», т.е. не требовал от дворян их освобождения, но и не выдавал их владельцам, которые будучи сами не в состоянии их покорить, потеряли их на самом деле [16, с. 128]. То, что тфокотли не выдавали освободившихся крепостных крестьян и оказывали покровительство всем беглым крестьянам, послужило мощным толчком к миграции крепостного населения из соседних княжеских владений, данный факт уже сам по себе является непосредственным подтверждением радикальности переворота [9, с. 18]. При этом надо отметить, что в области социального равенства различия не были преодолены.

Дальнейшая социально-правовая трансформация получила свое отражение на съезде демократических народов, известном под названием Печетнико-зафес,

на котором чётко были разграничены права тфокотлей и дворян. Здесь была достигнута договорённость о регламентации прав и обязанностей дворян и крестьян, затем были узаконены для руководства во всех делах, частных и общественных. Дворяне и тфокотли под присягой обязались не отступать от определённых на этом съезде условий и узаконений (хабзэ). К важнейшим его постановлениям следует отнести повышение цены крови свободного крестьянина до 28 сха (голов). Позднее она была повышена до 30 сха [17, с.122]. Таким образом, цена крови простолюдина была приравнена к цене крови дворянина. В результате принятых на этом съезде решений «внутренние беспокойства этих племён, призываемых спорами о правах родовых, были прекращены». Также на этом съезде феодалами был поставлен вопрос о выдаче освобождённых крестьян, но им не удалось добиться их возвращения. Кроме Пчетнико-зафес состоялись ещё три народных собрания, названные по местам, где они проходили: «Абидоком ипсын», «Зее Ошха ипсын», «Хуаше ипсын». Последнее собрание было созвано, по данным Люлье, в 1822 году. На этих собраниях были определены и узаконены «права духовные, гражданские и политические», в целом отражавшие значительное социальное равенство [9, с. 21].

В ходе борьбы шапсугские крестьяне в конце 30-х гг. XIX в. изгнали братьев Бесленевых Абата и Убыха, их унауты и пшитли освобождены. В 1846 г. у дворян было конфисковано до 8500 дворов крепостных крестьян, что составило не менее 5000 душ обоего пола. Дворяне, не желая мириться с потерями, в течение 1846–1847 гг., дважды посылают своих депутатов к командиру Черноморской кордонной линии генералу Рашпилю с просьбой принять их в русское подданство, в надежде на восстановление утраченных своих прав [3, с. 113].

Генерал Рашпиль 13 мая 1847 г. в Екатеринодаре поручил старшине Нарчуг – Гуаре передать шапсугам и натухайцам, что царские войска будут действовать против них решительно «за обиды и притеснения, причиняемые благополучию дворян». Не смотря на очевидный факт, указанный шапсугским старшиной – Муссой Тешем, что дворяне «принадлежат к их народу и имеют с ними домашнее дело», царское командование поспешило взять под защиту адыгских дворян,

организовав две карательные экспедиции в земли шапсугов и натухайцев [3, с. 113]. Таким образом, в результате переворота у шапсугов тфокотли стали самым могущественным сословием.

Следующей социальной прослойкой, возвысившейся в ходе демократического переворота, выделившейся из самих тфокотлей, стала старшинская верхушка. В литературе прошлого века она встречается под названием «неродовитые дворяне» или «среднее сословие» и, продолжая уничтожать остатки прав князей и дворян, она укрепляла свои позиции.

Конечно, среди шапсугских, абадзехских и натухайских свободных землевладельцев оставалась какая-то часть дворян, но она была лишена всех своих привилегий и утратила серьёзное влияние на ход событий. В результате, в Шапсугии, Натухае, Абадзехии в рассматриваемый период сложилось примерно следующая социальная структура:

- тфокотли составили 75–80% населения;
 - зависимое сословие – 5–12%;
 - тфокотлевская верхушка и дворяне, лишённые своих привилегий, – 7–10%
- [3, с. 113].

В результате вышеизложенных фактов можно выделить конкретные взаимосвязанные и взаимообусловленные особенности общественного строя шапсугов:

- бесспорная потеря влияния и реальной власти князьями и дворянами;
- установление особого управления, характерные черты которого позволяют говорить о его демократическом характере;
- суд и судопроизводство соответственно стали демократическими – перед судом в равной мере несут ответственность все слои шапсугского общества;
- значительное изменение социального строя шапсугов – изменяется правовое положение не только тфокотлей, но также и зависимых категорий крестьянства, которые получают свободу;
- выделяется старшинская верхушка, оказывающая значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику.

В традиционной социокультурной жизни причерноморских адыгов Хасэ как общественный институт играл значительную роль. Вплоть до XIX века Хасэ причерноморских адыгов мало чем отличалось от Хасэ всех остальных адыгских субэтносов. Следствием событий конца XVIII – начала XIX веков стали и премены в формировании и функционировании Хасэ у причерноморских адыгов. Факт этот нашел свое отражение в трудах современников.

В результате установилось особое управление, основанное на выборном начале, которое Люлье назвал республиканским. «Законодательная и распорядительная власти имеют начало в народе, следовательно, и управление должно считаться демократическим» [9, с. 13]. Основным критерием выдвижения в представительные органы власти стали личные заслуги, а не принадлежность к классу благородных. Если дворяне и принимали участие в политических делах страны, то на общих основаниях, как выборные лица, а не как люди, имевшие наследственное право управлять обществом. Но самое главное то, что тфокотли из объектов управления стали его субъектами.

У нас нет данных о том, как формировались представительные органы власти у шапсугов, натухайцев и абадзехов в первые три десятилетия после 1796 года. Первое сообщение о сформировавшемся демократическом хасе в масштабах округа появляется в 1829 году и принадлежит Г.В. Новицкому. «Уничтожив власть князей, натухайиы, шапсуги и абадзехи подчинили себя суду присяжных «(тгарко-хас)». Земли сих народов разделяются на округа; в каждом округе находится общество избранных старейшин, и суд, который они производят, называется хас. Все предприятия и намерения обсуживаются на собрании, решение коего почитаются законом. В совет присяжных судей выбираются старейшины испытанного ума, честности и храбрости. Князь, дворянин и простой одинаково выбираются в сие почетное звание, если кто заслужил оное прошедшею примерною жизнью. Удостоенный сохраняет звание сие на всю жизнь. По смерти же одного из судей достойнейший из среды народа выбирается на его место. Поступающий в должность присяжных судей обязуется клятвою судить по совести, без малейшего пристрастия и как бог внушит ему. От суда присяжных

зависит решение о выгодах и невыгодах народа... о мерах безопасности против внутренних и внешних врагов. Суд присяжных решает уголовные преступления, взыскивая с подсудимого известный штраф» [11, с. 133].

Таким образом, Г.В. Новицкий писал о «тгарко-хас» или «тхарко-хас» как о судебном и административном органе в пределах определенной территории, которую он называл «округом». Но через 10 лет английский путешественник Дж.С. Белл описал «тарко-кхас» в рамках родственного объединения под названием «братство» [1, с. 460]. С формальной точки зрения одно сообщение противоречит другому. Но если попытаться выяснить особенности представительства территориальных и родственных объединений в судебных и административных органах различного уровня, то может оказаться, что они дополняют друг друга.

Г.В. Новицкий, говоря о функциях хасы в пределах округа и принципах избрания «присяжных судей», не уточняет, от каких именно социальных организаций осуществлялось представительство в ней [12, с. 135]. В 1830 году коллежский секретарь Тауш в «Описании черкесских Закубанских племен, принадлежащих правому флангу, а именно абадзех, шапсуг и натухайцев» отмечал представительство от родственных объединений: «В образе их управления замечается нечто демократическое, ибо каждое из многочисленных поколений, составляющих каждое племя, посылает своих представителей на собрание» [5, с. 130]. Сообщение Тауша дает самое общее представление о характере представительства «на собраниях», но ничего не говорит об их таксономическом уровне и территориально-административных образованиях, в которых они действовали.

Сведения Хан-Гирея, относящиеся к 1836 году, отличаются большей конкретностью. Отмечая существование в княжеских владениях присяжных судей (тхарьохас) [17, с. 139], избираемых из числа дворян, он указывал на то, что у шапсугов, натухайцев и абадзехов «также избирают старшин в присяжные судьи, каковых судей каждый тхапшь [17, с. 139], или приход имеет по несколько человек; они разбирают частные дела своих соприсяжников. Когда же бывают дела, касающиеся до всего племени, то старшины эти съезжаются в одно место, где каждый из них, будучи представителем своего рода или колена, рассматривает

предметы требований общественного благосостояния; здесь же предпринимают переговоры о заключении мира или союза с соседями... а равно и меры предосторожности и искоренения воровства, разбоев и других беспорядков суть главные предметы, подлежащие рассмотрению съезда этих старейшин. В таких собраниях красноречивые старшины льфекотлов, вольных земледельцев, заменяющих в этих племенах князей и дворян... управляют умами народа по произволу своему и всегда ко вреду высшего класса дворянства, которое ныне, по-видимому, потеряло наконец свои права именно на сих собраниях» [17, с. 140].

На основе сведений Хан-Гирея, можно говорить о постоянно действующем низовом представительном органе власти в рамках определенной территориальной единицы, которая называлась «приходом». Он был меньше, чем округ (псухо), но больше, чем традиционное поселение. О делении речных долин на приходы писал Л.Я. Люлье, описывая священные рощи у горных адыгов. «В каждой долине есть по несколько подобных рощ. К каждой роще причисляют известное число домов или семейств, коих можно некоторым образом почитать прихожанами ее, тгахапх» [9, с. 22]. В другой работе Л.Я. Люлье касается особенностей представительства от приходов, о чем будет сказано ниже. В данном же случае важно подчеркнуть, что у авторов 30-х годов, и прежде всего у Хан-Гирея, роль «прихода» в представительной системе четко не обозначена, что, по всей видимости, связано с тем, что его новые политические функции еще не откристаллизовались, не приняли достаточно ясных и завершенных форм. Однако, есть все основания предполагать, что впоследствии он стал основой юнэ-из и, соответственно, той низовой организацией, от которой посылалось строго определенное число депутатов в высшие органы власти страны. Но в 30-х годах на съездах преобладало представительство от родственных объединений, на что и указывает Хан-Гирей в вышеприведенном отрывке. Эпизодически созываемые съезды старшин тфокотлей представляли собой высшие органы власти сперва в рамках одного этнического подразделения, или «племени», а затем и в масштабах конфедерации шапсугов, натухайцев и абадзехов (по мере укрепления их единства).

Высшим органом власти становится народное собрание (Хасэ). В работе народного собрания участвовали представители всех свободных сословий адыгов. Для этого устанавливались нормы представительства от народа. Представительные органы власти характеризовались дуализмом, т.к. формировались на основе территориальных объединений и «братств». Избрание депутатов от «псухо» (округ) учитывало вероисповедание населения. У мусульман представители избирались от джемагата, а у язычников – от тгахапса.

Хасэ перестали делить на палаты князей дворян и тфокотлей. Это изменение нашло наглядное выражение в ее пространственной организации. Образовался один большой круг, включавший представителей всех сословий, за исключением барщинных крепостных и рабов. «Круг» в данном случае являлся перенесением на собрание мифологических пространственно-космических представлений, выражающих идею единства и законченности [10, с. 145]. Его не следует путать с «общим кругом» XVIII века, поскольку последний фактически состоял из трех кругов, разделявших представителей князей, дворян и крестьян. Идея действительно общего круга, объединяющего представителей этих сословий, обрела реальные очертания только в связи с демократизацией общественно-политического устройства шапсугов, натухайцев и абадзехов.

Наконец, заметно изменилась роль социальных организаций, составлявших основу их представительной системы. Вместо прежних дворянских вотчин и их объединений на передний план общественно-политической жизни выдвигаются сперва «соприсяжные братства», а затем соседские общины нового типа.

Хасэ решало вопросы войны и мира, внешней политики и важнейшие вопросы внутренней жизни. Здесь заключались договоры между различными адыгскими субэтносами, разрабатывались планы действий против внешних и внутренних противников, устанавливались сношения с Турцией, западноевропейскими державами и Россией, также решались проблемы чрезвычайного порядка, такие как голод, эпидемии.

Определенного места и времени для проведения Хасэ не существовало. Они созывались по мере необходимости. Все народные представители съезжались в

одно место, где каждый из них рассматривал «предметы требований общественного благосостояния». Несмотря на участие большого количества людей, адыгские народные собрания отличались высокой дисциплинированностью и соблюдением установленного порядка проведения заседания. Об этом сообщают источники как российского, так и иностранного происхождения. Длительность работы Хасэ также не была ограничена каким-либо сроком. Она зависела от характера обсуждавшихся вопросов и от порядка принятия решений. Для принятия решения недостаточно было подавляющего большинства голосов участников собрания. Требовалось единогласное принятие предложенного решения. После принятия решения Хасэ народу объявлялось данное решение, а народ присягал его выполнить. Следующим шагом было составление письменного документа – дефтера, к тексту которого члены хасэ прикладывали свои печати или пальцы, смоченные в чернилах.

Регламентируя внутренние дела частного характера, хасэ, опиралось на суд старейшин. Были регламентированы вопросы гражданского, уголовного, семейного права с учетом новых реалий. Суд демократических народов стал очень заметным институтом в системе их управления. Говоря о суде старейшин, Хан-Гирей ставил им в заслугу то, что «в недрах их отечества воровство, разбои и всякого рода насилия, судя по нравственному их состоянию, редки...» [16, с. 240]. Тот же факт отмечал и К.Ф. Сталь: «Чувство правомерности начинает возрождаться, и народ сам в себе находит органы для сокращения зла» [10, с. 155]. Кроме того, он указывал на выборный характер суда, «председатель, судьи и муртазеки избираются. Естественно, что при таком положении дел суд «демократических» народов сильно отличался от суда «аристократических» народов. Например, в 30-х годах XIX века шапсугские и натухайские дворяне в очередной раз передали царским чиновникам, что за помощь русской армии в восстановлении их в прошлых правах «готовы признать над собой власть русского правительства», но «уличённая средним сословием в тайных переговорах с нами, партия эта была призвана на суд народного собрания и обложена большими пенями» [13, с. 148]. И такие факты были не единичны.

Таким образом, в результате социально-политических и социокультурных процессов у шапсугов в рассматриваемый период сложилось и продолжало развиваться, специфическое правовое и социокультурное поле. Преобразования носили ярко выраженный демократический характер и охватывали, прежде всего, социально-политическую сферу. В результате этих преобразований народ из объекта управления стал субъектом управления. В таком социокультурном и политическом ментальном наборе причерноморские адыги были включены в состав Российской империи, где, как известно, были совершенно иные социокультурные и политические позиции. В настоящее время, в условия современной российской демократической политической культуры, шапсуги получили возможность частично возродить и реализовать традиционные социально-политические потребности и прежнее социокультурное поле.

Список литературы

1. Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838 и 1839 гг. // АБКИЕА. – Нальчик, 1974. – С. 458–531.
2. Денисова Н.Н, Унарокова Р.Б. Демократия в адыгском обществе: историко-культурные историко-политические аспекты (по материалам рукописи Ю.-С. Нагуча) // Доклады Адыгской (Черкесской) международной академии наук. Т. 1. – Майкоп, 1998. –С. 110–116.
3. Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX веке. – Майкоп, 1986. – 192 с.
4. Дубровин Н.Ф. Черкесы (Адыге). – Краснодар, 1927. – С. 129.
5. Кажаров В.Х. Адыгская Хаса: Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. – Нальчик, 1992. – 159 с.
6. Калмыков И.Х. Черкесы. Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1974. – 102 с.
7. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Одесса, 1882. – Вып. 1–2. – 438 с.

8. Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов // АБКИЕА. – Нальчик, 1974. – С. 531–585.
9. Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. – Краснодар, 1927. – 24 с.
10. Надюков С.А. Шапсуги в культурно-историческом пространстве Северо-Западного Кавказа. Диссер. канд. ист. наук. – Майкоп, 2006. – 200 с.
11. Новицкий Г.В. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе// Тифлисские ведомости. – 1829. – №24.
12. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. – Нальчик, 1958. – 158 с.
13. Покровский М.В. Политика русского царизма по отношению к адыгской феодальной знати в к. XVIII – п.п. XIX в. // История СССР. – 1958. – №1. – С. 145–152.
14. Семенов Ю.И. Социально-исторические организмы. Этносы, нации // Этнографическое обозрение. – 1996. – №3. – С. 3–13.
15. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – Черкесск, 1994. – 263 с.
16. Хан-Гирей С. Бесльный Абат // С. Хан-Гирей Черкесские предания. Избранные произведения. – Нальчик, 1974. – С. 285 с.
17. Хан-Гирей С. Записки о Черкесии. – Нальчик, 1992. – 334 с.